

Эдуард Веркин

СОРОКА
НА ВИСЕЛИЦЕ

INSPIRIA
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Дизайн обложки — *Алексей Гаретов*

В оформлении использованы фрагменты картины
«Сорока на виселице» Питера Брейгеля, 1568

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Сорока на виселице / Эдуард Веркин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-180535-7

Добро пожаловать в мир будущего! Мир, в котором побеждены болезни, войны, голод и старость, открыты более двухсот экзопланет и экспансия продолжается. Прекрасный новый мир, мир для всех. Кроме Яна. Но именно он, простой смотритель заповедника, волей случая попадает в состав Большого Жюри, которое определит дальнейший вектор развития земной цивилизации. Ждут ли нас в космосе? Ждет ли нас космос? По плечу ли он нам? Стоит ли «разгонять» мозг человека ради дальнейшего освоения Галактики? Останется ли после этого человек человеком?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180535-7

© Веркин Э.Н., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

ПРЕТКНОВЕНИЕ

Я не Одиссей.

Я не люблю публицистику, эссе, научно-популярные книги и мемуары, продукция подобного рода напоминает мне стоны, оправдания.

Год, когда никому не известный Феликс Конрад напечатал рассказ «Бабушка-удав», был удивительно удачным для литературы — на Земле и в пределах расширявшейся ойкумены опубликовали почти полторы тысячи романов, четыре тысячи восьмьсот повестей, двадцать три с половиной тысячи рассказов. В тот год вышли «Вертопрах», «Гадание на рыбьих костях», «Сын грома» и «Скорость дня», «Волчий пастырь» и «Бродячая зима», у Конрада не было ни малейшего шанса остаться замеченным. Впрочем, стоит признать, что текст Ф. Конрада и не обладал практически никакими литературными достоинствами, в нем не было ни яркого запоминающегося языка, ни изящества стиля, ни захватывающего сюжета, название, которым начинающий автор снабдил свое сочинение, могло скорее отпугнуть, нежели привлечь читателя, так и случилось. Те немногочисленные отзывы, что удалось отыскать, имели иронический, если не саркастический характер. В лучшем случае «Бабушку» сравнивали с ранними (и, надо признать, не особо удачными) работами Эдварда Лира, с французским фельетоном начала двадцатого века, с фантазмагориями Лав-

крафта, с обшлагами Льва Ростоцкого века двадцать второго; отмечали рыхлость и местами беспомощность текста, откровенно проваленный финал, сомнительную мораль и претенциозность. Как всякий пророк, Ф. Конрад оказался не услышан, его слабый голос потонул в насмешках, непрошенных советах и высокомерных профессиональных поучениях; никто не разглядел в неловкой, практически ученической работе тень, надвинувшуюся на будущее нашего мира.

Credo quia absurdum, я не люблю мемуары, но вынужден иметь дело преимущественно с ними. На полке, посвященной предмету моего интереса, тысячи и тысячи книг; в прошлом году искушению поддался Штайнер, его сочинение похоже на прочие и тоже представляет собой всего лишь запоздалое и, как мне видится, не совсем искреннее раскаяние. Увы.

Человек, лишенный пламени вымысла, обречен вдыхать туман оправданий.

Сейчас, по истечении значительного времени, я могу с уверенностью утверждать, что, несмотря на интерес — искренний, последовательный, порой болезненный, — синхронная физика оставалась все-таки падчерицей человеческой цивилизации. Не постылой, возможно, по-своему любимой, но падчерицей, нелепой хромоногой девчонкой, которая — и это признают ее самые горячие и последовательные противники — сумела-таки потерять хрустальную туфельку в нужном месте. Никого увлеченное человечество так не возносило и никого так не осмеивало, как синхронных физиков. Никогда ни с одной наукой не связывали таких блистающих надежд, ни одна наука не приносила столько невыносимо горьких разочарований. Пейзаж, оставленный после себя синхронными физиками, — картина проигранной битвы, потрава, мор, спорынья. Жертвы, причем жертвы буквальные, положенные синхронистами на алтарь галактической экспансии, исчисляются тысячами, если точ-

нее, в ходе подготовки и проведения экспериментов погибло три тысячи двести сорок четыре исследователя, не исключено, что действительное количество больше. Материальные потери, по подсчетам того же Штайнера, составляют двадцатилетний совокупный ресурс ойкумены, что представить, согласитесь, трудно.

И поражение.

Штайнер, по сию пору возглавляющий Мельбурнский Институт Пространства, остроумно объявил это «неизбежной фазой январского утра», которую закономерно проходит каждая подлинная наука, однако надо признать — эра синхронной физики в ее современном виде приблизилась к концу, и мы все, кто любил ее и был причастен, скоро останемся не у дел. Человечество устало упиваться иллюзорными перспективами, неудачи были трагичны, результаты же сомнительны и порою нелепы, а после обнародования материалов по инциденту на Бенедикте стало ясно — перед Землей встали проблемы совершенно иного порядка и масштаба, вызовы настолько пугающие и обезоруживающие, что на их фоне вопросы синхронной физики кажутся практически несущественными.

На волне всеобщего скепсиса и угасания решение Мирового Совета (весьма, на мой взгляд, спорное) об обнародовании материалов по инциденту на Бенедикте неизбежно сместило фокус общественного внимания к перспективам будущего, которые, в сущности, уже начали реализовываться.

И в наши дни, когда синхронная физика впервые за свою трехсотлетнюю историю вдруг оказалась в стороне от надежд, страхов и интересов человечества, появилась возможность взглянуть на нее относительно беспристрастно. Именно осознание этого привело к тому, что я, несмотря на данное слово, не удержался и опубликовал первую главу в январском номере «СоциоДинамики». Должен признать ожидаемое «увы» — мне не

удалось убедить читателей в том, что между рассказом Ф. Конрада и прекращением программы геронтологических исследований есть прямая связь; признаю — публика нашего века нестерпимо консервативна, к тому же предубеждена против беллетристов и романтиков, хотя сам Феликс Конрад себя романтиком отнюдь не числил. Более того, подозреваю, что значительная часть подписчиков «Социодинамики» с моей работой не ознакомились вовсе — она помещалась в середине журнальной книжки, любители журналов обычно азартно читают начало, после чего их внимание истончается и сил остается только на кроссворды и рубрику «Курьезы науки», размещаемые ближе к концу. Полагаю, публикация не нашла ожидаемого отклика еще и потому, что я довольно самонадеянно обнародовал в популярном журнале материалы, предназначенные для квалифицированного читателя, подготовленного, по крайней мере интересующегося новейшей историей.

Нельзя сказать, что над публикацией явно смеялись, никто бы не посмел, но, думаю, многие с сочувствием вспомнили о моем возрасте и заслугах.

Впрочем, во время конференции на восточном побережье Виндж удержаться не смог и осторожно поинтересовался — действительно ли история синхронной физики не может обойтись без сомнительных параллелей, не настало ли время очистить ее от, прямо скажем, излишней легендарности, от мифов, сложившихся вокруг ее подвижников, стоит ли в книге, пусть и публицистической, обращаться к материалам, что могут бросить пусть маленькую, но тень на ее героев и мучеников?

Я резонно заметил, что Сойеру, Афанасьеву и Дель Рею никакие тени не страшны, более того, их жизнь должна быть изучаема хотя бы в силу того, что за их ошибки и заблуждения человечество заплатило немалую цену.

Виндж возразил, что между заблуждениями и ошибками Дель Рея и фантазиями никому не известного

Ф. Конрада пропасть, и прежде всего эстетическая, примерно как между солдатами из медной проволоки и «Давидом» Микеланджело. Что сведение под одной обложкой Ф. Конрада и Дель Рея нарочито снижает высоту трагедии, обесценивает подвиг и жертву, делает их смешными. Ты добиваешься этого?

Я ответил, что его опасения по меньшей мере необоснованны — синхронная физика, дисциплина, родившаяся из анекдотов про Шрёдингера кота и трех демонов Максвелла, прозябшая на скудной ниве релятивистского тупика, проросшая сквозь волчцы «Хаббла» и тернии Эйнштейна, долгое время сама оставшаяся анекдотом, в итоге изменившая космологию и этику, почти ставшая новой этикой и едва не отринутая человечеством, не боится быть смешной. Особенно сейчас, по прошествии стольких лет. Был ли смешон Сойер? Были ли нелепы Дель Рей и Афанасьев? Наверняка. Наверняка им приходилось быть нелепыми. Нелепыми, безрассудными, великими, их жизнь, их ничтожество, их слава — это урок для нас, наследие, которое требует пристального изучения — без этого нам не удастся ответить на главный вопрос любого времени — о выборе пути.

Связь между рассказом Ф. Конрада и синхронной физикой существует.

И ты, Одиссей, вздохнул Виндж, безусловно намекая не на настырного героя Троянской войны.

И ты, Марчелло, ответил я.

Мы посмеялись.

После чего Виндж аккуратно (но и настойчиво) повторил, что, возможно, мне не стоит спешить, следует обдумать все еще раз. Разумно ли придавать книге о подлинных (хотя, возможно, и заблуждавшихся) гениях человечества чересчур памфлетный характер, разве допустимо проводить параллели между судьбой Уистлера и рассказом «Бабушка-удав»? В конце концов, не кощунство ли это, Одиссей?

Это же хлеб синхронной физики, не удержавшись, напомнил я. Параллели, фантазии, кощунства! Дель Рей увидел дизайн актуатора, наступив на убитого тропической грозой попугая. Сойер осознал ограниченность современной космогонии, поссорившись с отцом из-за самодельной мухобойки. Сонбати действительно увлекался конструированием механических головоломок, и одна из них на самом деле отрубила ему мизинец. Именно в вечер этого происшествия Сонбати, испытывая некую эйфорию от обезболивающих, написал «К насмешникам», манифест, после которого в синхронную физику пришли тысячи и тысячи молодых и горячих сердец.

Это так, согласился Виндж, но следует ли широкой публике знать, что Сонбати после инцидента на «Дельфте-2» страдал от апофении настолько навязчивой, что вынужден был прибегать к полноценной сенсорной депривации? Или о том, что у Афанасьева в последние годы жизни была диагностирована шизофрения? Что среди синхронных физиков процент лиц с шизофренией на порядок выше среднего?

Апофеники и шизофреники, улыбнулся я.

Вот именно! — воскликнул уже Виндж. Апофеники и шизофреники! Зачем массовому читателю знать про это? Да, были те, кто придумал синхронную физику, были те, кто сложил за нее голову, будут те, кто воспользуется плодами ее триумфа — он, Виндж, не сомневается в этом грядущем триумфе. Но людям, тем, кто рано или поздно укротит поток Юнга, ни к чему знать, что на самом деле случилось с Уистлером.

Милый Виндж, ответил я. Людям надо знать, это во-первых и несомненных. А во-вторых, боюсь, что проблема шире проблемы синхронной физики и синхронных физиков, я полагаю, то, с чем мы столкнулись на Регене, гораздо серьезнее. Более того, я не исключаю, что события на Регене и инцидент на Бенедикте — звенья одной цепи. И если это так, то человечеству придется

отложить в сторону розовые очки технологического благодушия, взглядеться в мир максимально честно и признать наконец, что на ширме релятивистского парадокса нарисована не ироническая ухмылка, но хищный плотоядный оскал.

Виндж чистосердечно рассмеялся и заметил, что инцидент на Бенедикте отчего-то принято истолковывать излишне эсхатологически, в то же время это не что иное, как очередной апокалипто, коих в истории Земли было несчетное количество. Да, с устоявшейся картины мира сорваны... или будут сорваны пыльные покровы, да, все удивятся, как слепы, наивны были земляне последние сто лет, но это отнюдь не катастрофично, более того, поучительно, на каждую захлопнувшуюся дверь приходится три открывшихся.

Я согласился. И добавил, что именно поэтому я считаю, что человечество имеет право знать, что случилось с Уистлером, да и с остальными участниками эксперимента на Регене.

Настало время рассказать про это.

Уж не хочешь ли ты стать Великим Оптиком? — спросил всегда ироничный Виндж.

Не хочешь ли ты прослыть Великим Шорником? — спросил давно перепуганный я.

Виндж промолчал, сощурился.

Рассказ «Бабушка-удав» был написан Феликсом Конрадом для участия в конкурсе «Мурашки», проводимом альманахом «Романтика сегодня». Рассказ не вошел в число победителей, но был отмечен в качестве десяти лучших и опубликован в поощрительном альманахе. Ф. Конрад сочинил еще несколько рассказов и два исторических романа, не имевших успеха ни у читателей, ни у критиков, впоследствии он занимался анализом и экономической статистикой, но и здесь ничего серьезного не достиг. Но как сломанные часы дважды в сутки показывают точное время, так и неизбежное бу-

дущее таится на страницах миллионов написанных книг, главное, открыть их в нужном месте. Я вернулся к работе над историей синхронной физики и занимался ею полтора года, когда неожиданно осознал, что, погружаясь в яростный хаос идей, царивших в дни ее зарождения и подъема, сам почему-то ни разу не прибегал к методу, на котором основывалась наука, чье развитие я взялся описывать.

Поток.

Я удивился, что эта идея до сих пор не приходила мне в голову, хотя, казалось, именно этим методом я должен был воспользоваться в первую очередь.

Как понять, что выбранная дорога приведет тебя к реке?

Как понять, что выбранная дорога приведет тебя к мосту?

Как увидеть, что стрелки указывают на урочный час?

Где ты, сметенный дом отца?

Способ один.

Для опыта я использовал стандартный алгоритм простейшей вероятностной машины, такие были популярны много лет назад и использовались в основном для развлечения — с их помощью составляли шуточные прогнозы погоды и предсказания спортивных поединков, чертили гороскопы, генерировали грибные карты и сочиняли юмористические поэмы.

Я испытал машину на Эмили Дикинсон, и это дало любопытные результаты. В сессии, длившейся полторы секунды, трек «Эмили» привел к полярным каньонам Меркурия, к текстильному кризису и к технологии асинхронных двигателей, к анабасису Хирона, к первой постановке оперы «Дориан» и породе пчел «Долгая Трудя», к замедлению дрейфа материков и к спорам о преимуществах внедрения двойного алфавита.

Каньоны Меркурия и текстильные революции казались неубедительными, опера вызвала вопросы, самым

явным проявлением синхроничности выглядел Хирон, алгоритм был, несомненно, рабочий. Анабасис Хирона — великий поворот в педагогике второй половины двадцать первого века совпадал со всплеском интереса к Эмили, изданием ее сочинений и дополненной биографии, фестивалем «Странная Эм»; но еще больше меня поразило то, что в ходе проведенной около тридцати лет назад Институтом мировой литературы семантической секвенции корпуса произведений Дикинсон было выявлено два метастихотворения: «Осень» и «Печальный хромой кентавр».

Убедившись в том, что алгоритм, бесспорно, эффективный, я, не задумываясь, применил его к одному из самых известных текстов, посвященных первому столетию синхронной физики, — избыточно-полемичному и чересчур бойкому опусу Алекса Ситникова «Преткновение: призраки завтра». Немалым достоинством этой работы я считал ее объем, два солидных тома, три миллиона полновесных печатных знаков, чем больше объем, тем достоверней результаты. И трек «Преткновение» совершенно неожиданно вывел меня к Ф. Конраду и его дебютному рассказу.

Феликс Конрад

БАБУШКА-УДАВ

рассказ

В понедельник я подложил бабушке кричащую лягушку. Не знаю, зачем я это сделал, но, проснувшись в тот день, я думал только о лягушке и о том, как подложу ее на бабушкином пути. Я свернул лягушку из силиконовой бумаги и испытал в деле. Бабушка лягушку не заметила, наступила, и лягушка неприлично и громко квакнула. Бабушка остановилась, огляделась и пошла дальше, на веранду, где уселась в кресло и стала раскачи-

ваться, наблюдая за утренним садом. У бабушки было хорошее настроение, она улыбалась воспоминаниям и щурилась на солнце. Я же устроился на чердаке и стал наблюдать.

Я наблюдал за бабушкой вторую неделю, потому что бабушка мне не нравилась. Она подолгу спала в своей комнате, просыпаясь лишь утром, выходила на веранду. Утром солнце имело лимонный цвет, любимый цвет бабушки, но стоило солнцу хорошенько подняться над горизонтом и приобрести апельсиновый оттенок, как бабушка покидала веранду, и, неразборчиво бормоча, удалялась к себе до завтрашнего утра.

Бабушка перестала нас узнавать. Это случилось в один день. Она не спустилась к завтраку, мама пошла ее проводить, и через минуту мы услышали ее взволнованный крик. Мы поднялись к бабушке и обнаружили ее стоящей у окна. Бабушка не реагировала ни на наши голоса, ни на прикосновения, смотрела в окно, улыбалась, молчала. Врач констатировал реактивную деменцию, выписал препараты, но сказал, что улучшения не будет, теперь это до конца, надо взглянуть правде в глаза.

Через день после визита доктора прилетел инспектор из центра геронтологии. Он сделал пункцию ликвора, световые тесты и биоимпеданс, после чего рекомендовал поместить бабушку в специализированное учреждение, отец и мама отказались. Инспектор не настаивал, однако напомнил, что отныне за бабушкой будет установлен надзор и мы не должны этому препятствовать, что проверки могут осуществляться внезапно. Мы не препятствовали.

Постепенно бабушка исчезла. Она словно переключилась на другой регистр, шагнула от нас в мир, который видела она одна, который, судя по всему, ей нравился. Она смотрела в окна, или в потолок, или изучала трещины на стенах, нас не узнавала, да и не видела, улыбалась и подавала знаки кому-то невидимому. Некоторое

время мы пытались с ней разговаривать, приглашать на прогулки или к столу, но скоро отступились, поскольку бабушку не интересовало ничего, а присутствие людей и вовсе сказывалось на ее состоянии угнетающе. Хотя, пожалуй, ее интересовал сад, она могла подолгу находиться на веранде, наблюдая за листьями, птицами и игрой теней. Постепенно мы привыкли к этой новой бабушке, а та, что была раньше, растворилась и потерялась. Иногда бабушка напоминала старинную вешалку с забытым на ней пальто.

В тот день, когда я подложил бабушке лягушку, неожиданно прилетел инспектор. Он долго светил бабушке в глаза, то красным, то зеленым, вглядывался в радужку, сверялся с цветовыми таблицами и хмурился, отчего отец нервничал и прятал руки в карманы.

Потом инспектор спрятал световую трубку и стал дергать бабушку за пальцы, прислушиваясь к получающимся звукам. Это был новый инспектор, старый бабушку за пальцы не дергал, проверял по голосу. Но этот придерживался другого метода.

Я сначала сидел на подоконнике и прислушивался. Инспектор напевал песенку про капибару и лису, отчего я понял, что при мне инспектор обсуждать состояние бабушки не намерен. Тогда я зевнул, спрыгнул в траву, зашел за угол дома и по приставной лестнице забрался на чердак. Отсюда было все хорошо видно и слышно.

Инспектор и отец стояли возле бабушки, а она смотрела сквозь них в сад.

— Я бы все же рекомендовал вам оборудовать комнату... — советовал инспектор, — необходимыми аксессуарами. Все-таки возраст критический, сами понимаете.

— Да-да, — согласно кивал отец. — Я все понимаю. Но и вы поймите меня — она моя мать. Я видел такие комнаты: гасители инерции, пневмоподушки, транквилизаторы, это похоже на клетку для крысы...

— Это гуманно, — сказал инспектор.